

Слепой лоцман

Андрей Ефанов

Слепой лоцман

<https://litres.ru/74161497>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психологическая арктическая притча в жанре эко-техно-антиутопии.

Повесть-арктический триллер.

В стерильном мире будущего 2067, где алгоритмы заменили чувства, старый глухой топограф Илья отправляется на тающий ледник Баренцева моря. Его миссия — спасти деревню от корпорации «Геосфера», используя лишь память своего изувеченного тела. В белой мгле Арктики он должен доказать машине, что ее идеальные карты лгут, а истинная география пишется болью и кровью на замерзшей бумаге.

Содержание

Пролог: Мерзлота	4
Часть I. Баренцево стекло	7
Глава 1. Векторный рай	8
Глава 2. Прибытие облака	14
Глава 3. Эхо пустоты	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Ефанов

Слепой лоцман

Пролог: Мерзлота

Грунт не дышит. Он стонет.

Илья узнал это в 2027, когда шурфовая машина взяла пробу под Воркутой. Заряд ушел слишком глубоко в вечную мерзлоту. Лед принял взрыв на себя. Волна давления прошла сквозь почву, ударила Илью по голым подошвам сапог, поднялась по берцовым костям, сломала позвоночник звуком и вышла через макушку.

Он оглох к высоким частотам навсегда. Человеческая речь стала для него кашей из согласных. Птицы исчезли. Дождь перестал существовать. Но взамен Илья получил другое. Он стал слышать то, что земля думает о людях.

Ему было двадцать пять. Он стоял на краю воронки, заполненной сизым паром. В кармане лежал складной метр и затупившийся карандаш. Инженер орал ему что-то в ухо, требуя сделать замеры осыпи. Илья смотрел вниз. Стенки кратера блестели. Это был не просто лед. Это была спрессованная за миллион лет память. Внутри замерзли скелеты до-

исторических мышей, пыльца растений, которых никто никогда не видел, и пузыри первобытного воздуха.

Земля держала их во льду честно. Она ничего не приукрашивала. А бумага, которую Илья должен был испачкать цифрами, уже врал. Масштаб один к десяти тысячам убивал правду. На карте эта яма будет черной точкой с пометкой «провал». В реальности она поглотила три жизни и целую эпоху.

С тех пор Илья носил землю в себе. Когда он шел по тундре, его колени чувствовали пустоты под слоем ягеля. Подошвы ботинок читали трещины в тектонических плитах, как слепой читает азбуку Брайля. Боль от контузии давно стала частью скелета. Она жила в левом тазобедренном суставе тупым железным гвоздем. Зимой гвоздь леденел. Летом ржавел.

К шестидесяти пяти годам Илья понял главное: человек проигрывает природе не тогда, когда умирает. Человек проигрывает, когда пытается ее измерить. Измерение всегда есть ложь. Выживание — единственная честная геодезия.

Ветер снаружи гнал поземку по крыше старой избы. Дом стоял в деревне Пустозерка. Название теперь звучало как диагноз. Каждую весну фундаменты соседних домов плыли — мерзлота превращалась в болото, и деревянные венцы медленно уходили в жижу. Люди уезжали. Бросали нажитое. Увозили гробы предков, потому что кладбище тоже начало проваливаться.

Илья никуда не уехал. Его изба стояла на единственном сухом пятне. Потому что сорок лет назад, вбивая сваи, молодой топограф Илья сам нашел здесь линзу реликтового песка. Он знал, где обмануть землю, чтобы она выдержала его вес.

Сейчас он сидел за столом. Перед ним лежал лист ватмана. Не экран планшета, а настоящая бумага, шершавая на ощупь. Илья взял циркуль-измеритель. Металл холодил пальцы. Он поставил острие в центр листа.

Если нарисовать деревню сверху, она будет похожа на труп насекомого, распятого на игле. Илья знал каждую линию этого тела. И он знал, что завтра утром оно сложится пополам. Игла проткнет бумагу, и черная тушь разольется морем.

Но пока тишина в избе была абсолютной. Слышно было только, как в печи потрескивают дрова. И далеко внизу, под тремя метрами промерзшего торфа, глухо вздыхала проснувшаяся река.

Часть I. Баренцево стекло

Глава 1. Векторный рай

В Пустозерке пахло гниющей рыбой и мокрым деревом.

Илья стоял на крыльце, опираясь костяшками пальцев о перила. Под домом глухо чавкало. Прошлой ночью мерзлота снова отпустила хватку — правый угол избы просел еще на три сантиметра. Илья знал это не по глазам. Он чувствовал наклон пола босыми пятками. Ощущение было таким, словно мир медленно сползал в глотку кита.

Деревня умирала красиво. На фасадах старых купеческих домов висели голографические панели «Геосферы». Проекционный снег падал поверх настоящей трухи. На экране библиотеки светилась цифра: индекс жизнеспособности поселения — двенадцать процентов. Ниже бежала строка социальной репутации. У Ильи там значилось пустое поле. Старый топограф вне системы координат.

Улица была вымощена пластиковыми решетками над дренажными стоками. Сквозь ячейки виднелась рыжая вода. Раньше здесь рос мох. Теперь земля превратилась в губку, пропитанную соленой морской взвесью. Баренцево море наступало. Оно слизывало берега метр за метром, но корпорация называла это «динамической эрозией» и рисовала красивые графики устойчивости береговой линии.

Навстречу Илье шла Марфа с почты. Ее экзоскелет-ходунки тихо жужжали сервоприводами, подстраиваясь под неровности грунта. Женщина улыбалась пустой улыбкой человека, которому вживили чип хорошего настроения.

— Доброе утро, Илья Николаевич! — голос Марфы звучал слишком ровно, без хрипотцы северного ветра. — Вам письмо от администрации. Цифровое. Я сбросила вам на терминал, дублирую звуковым протоколом.

Она остановилась. Ждала подтверждения приема. Илья молча смотрел сквозь нее. Он видел, как дрожит воздух над ее головой — тепловое искажение от перегревающегося процессора в затылочном импланте. Жар уходил вверх ровным столбом. Идеальный вектор.

— Индекс принят, — буркнул Илья.

Марфа моргнула. Сброс протокола завершен. Она пошла дальше, оставляя в тяжелом воздухе легкий запах озона и медицинского пластика.

Илья вошел в дом. Запер дверь на тяжелый дубовый засов. Электронные замки он срезал болгаркой еще пять лет назад. Внутри пахло воском, старой бумагой и керосином. Никакого кварцевого стерилизатора воздуха. Никаких умных ламп, меняющих спектр под циркадные ритмы. Только желтый огонь свечи на столе.

Его кабинет был библиотекой карт. Стены от пола до потолка закрывали стеллажи. Здесь лежала история побережья. Не та, что хранилась на облачных серверах Мурманска,

а настоящая.

Тяжелые рулоны кальки. Ватманы, пожелтевшие по краям. Топографические планшеты времен Великой Отечественной, залитые тушью так густо, что бумага стала твердой, как слюда. Каждая линия здесь имела вес. Каждое пятно туши обладало объемом.

На рабочем столе, сколоченном из лиственницы, лежал его главный инструмент. Не стилус. Не нейроинтерфейс. Обычный чертежный карандаш фирмы «Конструктор», заточенный лезвием до игольной остроты. Стертый почти до половины. Графитовая пыль въелась в морщину большого пальца правой руки вечной татуировкой.

Илья сел в кресло. Протянул руку, взял со стола медный секстант. Холод металла обжег ладонь. Прибору было больше ста лет. Он пережил империю, советскую власть и приход корпораций. В нем не было ни одной микросхемы. Только оптика и гравитация.

Он посмотрел в окно. Там, за заливом, начинался ледник. Сегодня утром небо было цвета свинца. Абсолютно чистое, выцветшее небо севера. Для любого дрона или спутника это означало идеальную погоду для сканирования. Нулевая облачность. Сто процентов видимости.

Но Илья видел другое. По цвету заката вчера вечером он знал: давление падает. А когда в Арктике падает давление, лед начинает трескаться не сверху, а снизу. От океанского тепла. Спутник увидит гладкое зеркало. Но если встать на

этот лед ногами, можно услышать, как внизу, в черной воде, течет смерть.

Где-то снаружи загудел беспилотник-доставщик. Звук был высоким, противным, похожим на писк комара. Илья поморщился. Комар искал сеть, чтобы сбросить пакет синтетической еды соседу. Пакет будет теплым. Сосед разогреет его в микроволновке, съест ложкой из пищевого полимера и пойдет смотреть сериал через оптическое волокно.

Сосед жил в векторном раю. Его эмоции регулировались дозатором серотонина. Его путь домой прокладывал алгоритм. Он никогда не проваливался под лед, потому что алгоритм просто запрещал ему выходить на опасные участки, блокируя двери умного дома. Безопасность стоила ему памяти.

Илья положил секстант обратно. Выдвинул ящик стола. Достал оттуда плотный серый конверт из крафтовой бумаги. Настоящей бумаги, которую нельзя взломать удаленно. Такие присылали только старым кадрам, которых система списала в архив, но ещё боялась трогать.

Внутри лежал один тонкий лист официального бланка. Черный шрифт лазерного принтера. Ни водяных знаков, ни тиснения.

«Уважаемый Илья Николаевич! Корпорация "Геосфера-Инжиниринг" уведомляет о начале проекта "Полюс-Кристалл". В связи с критическим изменением ландшафта западного сектора ледника Баренца, требуется создание эта-

лонной тактильной карты разломов. Ваши уникальные психофизиологические показатели внесены в реестр приоритетных кандидатов...»

Дальше шел текст об условиях контракта. Спасение деревни. Переселение жителей в климатизированный купол. Бесплатная энергия. Заморозка счетов за воду. Взамен — сорок восемь часов работы одного специалиста на льду.

Илья смял бланк в кулаке. Бумага хрустнула сухо и честно. Они знали, что поселок утонет. Они могли укрепить фундамент всей деревни одним нажатием кнопки, вбив титановые сваи через вечную мерзлоту. Но закон требовал рентабельности. Тратить миллиарды на десять стариков невыгодно. Дешевле найти одну старую шестеренку от сломанного механизма, запустить ее на пару суток и получить нужные данные почти бесплатно.

Он бросил шарик бумаги в чугунную печь. Чиркнул спичкой о коробок. Газетный край занялся желтым пламенем.

Илья смотрел на огонь. Гвоздь в бедре сегодня ныл особенно сильно — к сырости. Завтра придет Анна. Девочка с глазами цвета цифрового неба. Она принесет с собой тепло, комфорт и окончательную ложь о том, что этот мир можно спасти цифрами.

Илья встал. Подошел к стене, где висела самая старая карта этих мест. Нарисованная тушью в тридцатых годах. Береговая линия здесь обрывалась белым полем. Terra incognita. Земля неизвестная.

Люди забыли, каково это — стоять перед чистым листом. Им нужен был проложенный маршрут. Даже если маршрут ведет в бездну.

Он снял с крючка старый бушлат. Провел рукой по грубой шерсти. Ткань пахла дымом и мужским потом. Запах живых людей.

— Рано хоронишь, — сказал Илья пустой комнате. — Посмотрим, кто кого измерит.

За окном снова пронесся дрон, разрывая тишину полярного дня.

Глава 2. Прибытие облака

Утро пришло без солнца. Небо над Баренцевым морем было стерильным, белым — цвет выгоревшей кости. Илья колот дрова за сараем. Мерзлый чурбак не поддавался колу-ну, приходилось бить дважды. Удар отдавался в левом плече тупой болью. На третий удар дерево треснуло с сухим звуком выстрела.

Илья расколол полено на щепу для растопки. Пальцы сад-нили от вибрации. Он слизнул капельку крови с костяшки. Вкус металла.

Именно в этот момент воздух изменился.

Пропал звук ветра в проводах. Пропало далекое гудение ледника. Наступила абсолютная, ватная тишина. Та самая, которая всегда предшествует падению давления или появле-нию чужих. Илья замер, оставив топор торчать в колоде. Он поднял голову.

С севера, со стороны мертвого аэродрома, шло облако. Но это был не туман и не заряды снега. Это была пыль. Мелкая взвесь перемолотого ветром льда и песка, которую поднимала тяга мощных турбин. Звук появился секунду спустя — низкий, утробный гул, от которого завибрировали стекла в старых рамах.

Глайдер «Геосферы» шел на антигравитационной подушке. Машина напоминала матовую черную акулу, разрезающую белую пустоту залива. Ни иллюминаторов, ни опознавательных знаков. Только гладкий, поглощающий свет композит.

Аппарат завис над единственной уцелевшей бетонной плитой старого причала. Сбросил давление. Посадка заняла три секунды. Никакой театральности. Просто тяжелый кусок технологии встал на землю, подмяв ее своим весом.

Дверь отошла вбок. На снег выплеснулся прямоугольник желтого света. Из тени вышла Анна.

Она не надела экзоскелет. Не стала кутаться в местный мех. На ней был легкий термокомбинезон корпоративного белого цвета — ткань сама генерировала тепло из разницы температур тела и воздуха. Лицо закрывал прозрачный визор с золотистым напылением. За стеклом глаза казались двумя осколками синего стекла. Идеально чистые, лишённые капилляров белки. Линзы-дисплеи, выводящие прямо на сетчатку индекс влажности и скорость ветра.

Анна сделала шаг. Ее ботинки на магнитной подошве издавали тихий, ритмичный цокот по бетону. Она остановилась в десяти метрах от Ильи. Не подходила ближе — протокол безопасности личного пространства.

— Индекс здоровья семьдесят семь, — произнес ровный голос из динамика на ее воротнике. — Илья Николаевич?

Илья оперся на рукоять колуна. Дерево было теплым и

живым.

Он смотрел на нее и видел только конструкцию. Каркас из углепластика. Блок питания на поясе. Оптические сенсоры на плечах дрона-сопровождения, который бесшумно вылетел из брюха глайдера и взял их обоих в клещи сканирующего луча.

— Я помню тебя девочкой, — сказал Илья. Его собственный голос показался ему слишком громким после мертвой тишины одиночества. — Ты бегала здесь с косичками. Просила дать порулить лодкой. Твой отец тогда еще ловил палтуса, а не продавал акции охлаждения серверов.

Уголок рта Анны дернулся. Алгоритм распознавания эмоций классифицировал движение как «неопределенное».

— Мой биологический отец погиб при обрушении шахты в двадцать четвертом. Вы путаете меня с местным населением. Я — системный интегратор проекта «Полюс-Кристалл». Мое тело оптимизировано для работы в условиях минус сорока. Мне не нужны ваши воспоминания, чтобы выполнять задачу.

Она подняла руку. На ладони лежал плоский черный диск размером с чайное блюдце.

— Эталонный тактильный планшет серии «Тундра-М», — объявила она. — Военный образец. Работает без спутников. Рисует рельеф через пьезодатчики. Корпус выдерживает прямое попадание ломом. Мы выдадим вам такой же. Плюс виброкомпенсирующие перчатки.

Илья перевел взгляд с диска на лицо девушки. Визор бликовал, отражая его собственную сгорбленную фигуру.

— Зачем тебе я? — спросил он. — Ваши спутники видят каждую песчинку. Ваши дроны бурят лед лазерами. Ваша математика просчитала трещину, в которую провалится мой дом, до третьего знака после запятой.

— Спутники слепы, — ровно ответила Анна. — Инфракрасный спектр видит температуру поверхности. Лазерный сканер видит плотность. Но они не чувствуют вязкость. Ледник сейчас находится в фазе нелинейного распада. Теплая вода Атлантики поднимается по каналам, которые мы не можем картографировать дистанционно. Нам нужен человеческий маркер. Человек, который умеет слушать мерзлоту ступнями. Ваш профиль уникален. Контузия сороковой степени. Переключение когнитивных функций на соматическую память. Вы чувствуете то, чего нет ни в одной базе данных.

Она сделала паузу. Дрон позади нее чуть сменил угол наклона, фокусируя оптику на груди Ильи — считывая пульс.

— Если вы проведете съемку сектора Альфа-7, эвакуация деревни на большую землю будет за счёт корпорации. Фундаменты залиют криогелем. Бесплатно. Навечно.

Илья посмотрел на свои руки. Мозоли, трещины въевшейся грязи, старый ожог от примуса. Руки топографа. Инструмент, созданный миллионами лет эволюции для того, чтобы держать камень. А ей нужен был просто сенсор. Биологиче-

ский щуп.

— Вы хотите купить мою память о том, как должна хрустеть земля перед провалом, — медленно проговорил Илья. — Чтобы ваш трубопровод лег точно между могилами моих соседей. И все будут счастливы. Цифровой рай на кладбище.

— Я хочу предотвратить человеческие жертвы, — сказала Анна. В ее голосе впервые прорезалась микротрещина — усталость металла. — Данные стоят риска. Такова экономика процесса. Выходите к леднику завтра на рассвете. Глайдер заберет вас отсюда. Время пошло.

Она опустила ладонь. Черный диск исчез в рукаве комбинезона, словно впитался в кожу. Развернулась на пятках. Магнитные подошвы проскрипели по бетону. Дверь глайдера закрылась, отрезав желтый свет.

Машина взмыла вертикально вверх. Воздушная волна ударила Илью в грудь, швырнула в лицо горсть колючего снега. Когда белая пелена осела, небо снова стало пустым.

Только запах озона висел в воздухе еще несколько минут. Запах электричества и сожженного холода.

Илья подошел к колоде. Вытащил топор. Металл примерз к дереву. Пришлось бить кулаком по обуху, чтобы освободить лезвие.

Вибрация прошла от кисти до локтя. Дом стоял криво. Угол просел еще на сантиметр, пока длился разговор. Илья чувствовал, как бревна тихо стонут под тяжестью крыши.

Математика Анны могла спасти поселок. Но она никогда

не узнает, как пахнет страх дерева, которое больше не держит земля.

Глава 3. Эхо пустоты

Глайдер ушел, но его след остался на земле.

Илья вернулся в дом и закрыл дверь на тяжелый дубовый засов. Механический щелчок прозвучал как точка. Он не стал снимать бушлат. Сел прямо у печи, протянув ноги к углям. Гвоздь в бедре сегодня не просто ныл — он пульсировал горячим свинцом, отдавая в пах при каждом ударе сердца. Старая контузия всегда чувала перемены в барометрическом давлении раньше любых приборов.

Дом молчал. Это была тяжелая, густая тишина избы, которая простояла на одном месте сто лет. Илья сидел неподвижно. Смотрел на оранжевый отблеск на лезвии топора, принесённого с дровами.

Он знал этот ледник. Ходил по нему ещё тогда, когда Баренцево море замерзло до самого горизонта, превращаясь в бесконечное белое шоссе. Сейчас океан не замерзал. Теплое течение Гольфстрим стало горячее на полтора градуса после аварии на плавучей АЭС в Норвежском море десять лет назад. Лед больше не был твердью. Он превратился в хрупкое стекло, под которым текла черная, быстрая смерть.

Анна предложила спасение. Криогель для фундаментов. Переселение в купол с фильтрованным воздухом. Цифровую

вечность. Цена была невысока: сорок восемь часов лжи. Нарисовать карту там, где карты быть не может. Сказать машине «да», чтобы она разрешила людям жить.

Илья встал. Боль в тазобедренном суставе прострелила от бедра до поясницы. Он схватился за край стола, пережидая спазм. Дерево под пальцами было шершавым, настоящим.

В углу комнаты стояла старая армейская рация «Р-105». Тяжелый зеленый ящик с ручкой динамо-машины. Электроника давно выгорела, осталась только литой корпус и антенна. Илья подошел к ней. Опустился на одно колено. Скрип суставов прозвучал неестественно громко.

Он взялся за ручку. Начал крутить. Медленно, преодолевая сопротивление заржавевшего механизма. Один оборот. Второй. Третий. Внутри коробки тихо гудели шестерни. Звук напоминал жужжание сонной осенней мухи.

Ток пошел. Илья надел тяжелые матерчатые наушники. Приложил чашку к уху. Прижал ладонью, отсекая шум собственного дыхания. Повернул тумблер частоты.

Эфир ответил шипением. Белый шум. Голос Арктики.

Где-то далеко, за сотни километров отсюда, работала мощная станция связи корпорации. Илья слышал ее дыхание — ровный, низкий гул несущей волны. Стерильный звук идеальной передачи данных. Там, в Мурманске, тысячи серверов перемалывали цифры, строили прогнозы и рисовали графики безопасности. Они считали этот мир безопасным. Их алгоритмы утверждали, что фундамент дома Илья стаби-

лен еще на пять лет. Но пол под ногами Ильи уже наклонился.

Он начал искать частоту старой геодезической партии. Ту самую, на которой они работали в молодости. Частоту мертвецов.

Сквозь треск атмосферных помех пробилося:

— ...прием... база на связи... квадрат четырнадцать дробь два...

Голос был тонким, искаженным расстоянием и временем. Говорил Серега Веслов. Или то, что осталось от него в записи, пущенной по кругу автоматическим маяком заброшенной вышки. Маяк работал от изотопного элемента. Ему не нужна была сеть «Геосферы».

— База, это Вышка-Один, — механически повторял мертвый голос Сереги. — В секторе туман. Видимость ноль. Работаем по приборам. Погрешность три метра. Повторяю...

Илья стиснул зубы. Три метра. Для бумажной карты тридцатилетней давности — допустимая погрешность карандаша. Для современного трубопровода высокого давления — гарантированный разрыв шва. Если Анна со своими дронами пойдет по старым вешкам, они провалятся в первую же скрытую промоину. Спутник покажет им идеальный рельеф. А под ним будет пустота.

Он сорвал наушники. Шипение оборвалось резко, оставив в ушах тонкий звон.

Илья прошелся по комнате. Остановился перед окном.

Посмотрел вниз, на улицу.

Там Марфа снова вышла из дома. Ее экзоскелет мягко светился синим индикатором заряда. Она остановилась посреди дороги, подняла голову к небу и замерла. Стояла так минуту. Две. Просто смотрела вверх. Индекс покоя зашкаливал. Программа принудительной медитации. Ей приказали успокоиться, потому что индекс жизнеспособности деревни упал еще на процент, пока Илья крутил ручку рации.

Марфа плавно опустила голову. Повернулась. Пошла дальше. Движения были слишком точными. Ни единого лишнего жеста. Как у заводной куклы.

Они уже сдались. Они позволили алгоритмам вырезать из себя куски памяти, чтобы снизить уровень тревожности. Им дали рай, забрав взамен право бояться провала. Страх — единственное, что заставляло человека смотреть под ноги. Без страха человек идет по тонкому льду с закрытыми глазами.

Илья почувствовал запах озона. Тот самый, что оставила после себя Анна. Запах стерильности. Запах операционной. Он вдруг понял, что ненавидит эту девочку не за корпорацию. А за то, что она искренне верит в свои линзы-дисплеи. Она смотрит на умирающий поселок и видит лишь задачу оптимизации ресурсов. Красивую математическую задачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.